

Руса Лу

ПЧЕЛИНЫЕ РОИ

Москва
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л55

Художественное оформление *Милана Корягина*

Ли, Рия.
Л55 Пчелиный рой (переиздание) / Рия Ли. — Москва : Эксмо, 2026. — 576 с. — (Румперия. Чувства, не знающие преград).

ISBN 978-5-04-235769-5

В каждом улье есть своя королева — в Сеульском университете их четыре. Потеряв год в попытке стать рок-звездой, Ким Дохен возвращается из академического отпуска. Мысли о разбитой мечте не отпускают, и он решает найти новую цель — одну из королев этого пчелиного улья. Но сердце девушки завоевать не так-то просто, и тогда Дохен обращается к ее лучшей подруге Лим Седжон. Она кажется холодной, но чем ближе Дохен узнает ее, тем больше понимает — это лишь маска, за которой прячется сломленная девушка. Что начиналось как игра, превращается в историю о любви, дружбе, предательстве и поиске своего места в мире, где каждый пытается быть кем-то, но только не самим собой...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235769-5

© Рия Ли, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Посвящение

*...Себе и тем, кого больше нет рядом.
Спасибо за уроки и воспоминания*

Нашей-мечте

DAY6 — I Need Somebody
DAY6 — I Wait
DAY6 — Stop Talking
DAY6 — So let's love
DAY6 — How Can I Say
Josef Salvat — Une Autre Saison
Chase Atlantic — Numb to the Feeling
ASTRO — Story
DAY6 — Not Fine
(G)I-DLE — DAHLIA
Stray Kids — Secret Secret
The 1975 — fallingforyou
DAY6 — I loved you
SHINee — Tell Me What To Do
Jennie — Twin

Пролог

Кажется, будто Дохён стоит на перекрестке с бешеным трафиком, а светофор сломан. Нужно набраться смелости и перейти на другую сторону дороги, вот только как? Жизнь вокруг продолжается, а его собственная застыла на месте. Вода заливается в уши и нос, но Дохён и так тонет — если захлебнется сейчас, стоя под душем, то хуже точно не станет. Ведь есть ощущение, что хуже просто некуда.

Махровое полотенце неприятно царапает распаренную кожу, но Дохён вытирается насухо — сегодня важный день. Сегодня он вернется туда, откуда так грезил вырваться. Судьба играет с ним, а он — проигрывает. Это нечестно. Ему стоит взять у нее реванш. Но только в этот момент, вытаскивая из шкафа единственную чистую кофту и джинсы, он не чувствует, что готов к этой борьбе.

...Он устал бороться.

Устал строить планы, ставить цели, делать хоть что-то. За последние несколько недель он выходил из дома раза три. Если бы не его друзья и сосед по квартире, он бы уже все разнес здесь к чертям. А так пока что он разрушает лишь себя.

На улице пасмурно. Дождь лил всю ночь, а Дохён ненавидит спать под его барабанную дробь. В коридоре

полумрак и кажется, будто кто-то пристально следит, подглядывая за ним в узкую щель приоткрытой двери кладовки.

...Там пылится его израненная душа.

Пытался, несколько раз пытался. Ынгук уговорил его попробовать сыграть что-то из старого, а потом еле успел выхватить гитару из рук, пока Дохён не разнес ее в щепки. Он уже замахнулся на стеклянный кофейный столик в гостиной. Помнит, как кричал тогда. Как руки Чонсока сдерживали его и как Ынгук не без труда выхватил из его пальцев гитару и умчался в глубь коридора. Туда, где теперь ветшает его несбывшаяся мечта.

...Туда, куда Дохён больше не заглядывает.

Как и не заглядывает под кровать, где хранятся не только его слезы, но и недописанные тексты песен, к которым он больше никогда не притронется — так ему кажется.

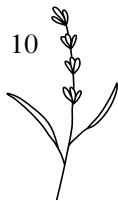
Вернуться в университет после года усердной работы, которая не увенчалась успехом? Это унижительно. Сегодняшний день еще паршивее того, когда Дохён принял решение уйти из группы. До отвращения возненавидел каждого — себя в первую очередь.

— Я думал, ты там утопился. — Сонги тут же замечает его, стоит Дохёну войти в комнату.

— Опять не вышло, — сухо отвечает он, нервно теребя воротник серого худи — шнурки провалились внутрь, раздражая кожу в районе солнечного сплетения.

Там и без того все горит, точно Дохён выпил стакан раскаленной меди. Неужели теперь так будет всегда? Ведь о том, как было раньше, даже вспоминать страшно. Туда больше не вернуться — Дохёну себя тоже не вернуть.

— Сегодня все получится, — заверяет его Сонги, вставая из-за стола, где прождал друга последний час.

ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ

Приехал поддержать его в такой дань. А еще потому, что без посторонней помощи Дохён бы никогда этого не сделал. Сонги отвезет его в университет — так всем будет спокойнее.

— Наплевать, — безжизненно произносит Дохён, минуя гостиную.

У него нет никакого энтузиазма восстанавливаться после академа. Если бы не обещание, данное родителям, то он бы не пришел в универ, даже чтобы официально отчислиться. Пропал бы с радаров, будто и не было его вовсе.

Но Сонги пристально следит, как он завязывает шнурки на кроссовках и забирает с тумбочки кепку. В зонте нет смысла — от слякоти на сердце он все равно не защитит.

— Хочешь, поедем потом в бар? Отметим, — предлагает Сонги, выходя из квартиры следом. — Можем позвать Гука. Я уже и забыл, когда мы вот так втроем собирались.

Было бы еще что отмечать. Разве что поминки счастливой жизни Ким Дохёна. Но в этом друзья точно поддерживать не станут.

— Не хочу я ничего, — бубнит он, спускаясь по лестнице.

Сегодня на небе нет солнца — все затянуто тучами. Промозглый ветер и отвратительная морось, мгновенно оседающая на лице тонкой пленкой, побуждая плюнуть на все и развернуться обратно. Но Сонги рядом, а значит, Дохёну не позволят опять сдаться. Видимо, придется идти до конца. Или хотя бы до припаркованного автомобиля, к которому Сонги ускоряет шаг.

Но Дохён вовсе не торопится. Перед смертью не надышишься, но и он не на плаху идет. В разгар лета кажется, что тепло на сердце уже никогда не будет — как и самого Дохёна. Что не наступит тот день, когда

РИЯ ЛИ

он вдохнет полной грудью и почувствует, как силы наполняют его. Что появится новая мечта и новая цель. Что кожа снова будет гореть от желания жить, душа заново научится петь, а Ким Дохён вновь сумеет любить.

1. Восемьдесят тысяч вон в час

— Чувак, прекрати! — Щелканье затвора фотоаппарата действует Дохёну на нервы. — Дай хоть поесть спокойно. — Он тянется к объективу, вынуждая Ынгука опустить камеру.

— Да он с ней даже спит, — усмехается Сонги, смахивая со лба угольную челку и самодовольно глядя на Ынгука. — Найди уже себе нормальную девушку, а не эту зеркалку, — слегка шепелявит он, с характерным звуком открывая банку газировки.

Сидя на траве во дворе кампуса, эти трое коротают свой затянувшийся обеденный перерыв. Точнее, перерыв между парами у Ынгука, который сейчас с любопытством разглядывает фотки Дохёна на своем новеньком фотоаппарате. А двоим другим лишь дай повод улизнуть с нудных лекций.

Им даже не совестно прогуливать, развалившись посреди университетского двора, — погода сегодня просто чудесная. Солнце даже немного припекает, и Дохён жалеет, что оделся во все черное. Как будто в его гардеробе есть еще какой-то цвет.

— Ну как, ты рад вернуться в стены родной альма-матер? — Сонги морщится, подавляя отрыжку от «Спрайта», и поглядывает на Дохёна. — Не пожалеешь, что бросил?

— Да пошло все! — выругивается Дохён, вспоминая изнуряющие репетиции до мозолей на подушечках

пальцев, которые начинали кровоточить под конец дня, каждый раз, когда он зажимал струны на грифе гитары. — Буду лучше специалистом по финансам и фондовым рынкам. Хотя бы семья гордиться начнет.

В прошлом году Дохён взял академический отпуск на год, пообещав родителям, что если не станет за это время рок-звездой, то вернется в университет, о котором так грезил его семья, и получит диплом. Как можно догадаться — рок-звездой он так и не стал. С таким трудом смог убедить родителей, что не просто так теряет время, а теперь корит себя.

Он опять здесь. Сидит на газоне с друзьями, которым осталось отмучиться последний год: Сонги превратится в акулу-адвоката, как мечтает его отец, а Ынгук станет историком. Только копать в архивах Ынгук не собирается. Если повезет, то будет путешествовать по всему миру, участвуя в раскопках и привозя из командировок тонны фотокарточек — это его главная страсть.

...Когда-то и у Дохёна была своя.

У Мин Сонги на жизнь не такие грандиозные планы. Как бы он ни учился, отец отвалит декану кругленькую сумму за диплом с отличием. О влиянии семьи Мин в адвокатских кругах хорошо знают. Сонги не любит козырять этим, но отец другого мнения — нужно гордиться своей фамилией, а не идти против нее. Но сколько можно? Как будто без денег и отцовского статуса Сонги ничего из себя не представляет. Это неправда.

Для семьи и преподавателей он Мин Сонги. Самый младший сын известного адвоката. Но все остальные его знают как Фугу: парня с татуировкой китайского дракона на шее. Парня, которого в былые времена сторонились многие.

Сын богатых родителей, родившийся с золотой ложкой во рту, решил, что сам заработает себе имя

ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ

и репутацию. Но заигрался в противостоянии семье и перестарался. Отцу пришлось изрядно попотеть, пытаясь отмыть честь их фамилии от грязных похощений младшего сына-раздолбая. Теперь Фугу вынужден потакать его прихотям, строя из себя одного из наследников фамильного дела. О его бунтарском прошлом говорит лишь татуировка на бледном теле да пирсинг на языке — тоже акт протеста.

...Как же отец тогда злился.

— Гук, я тебе сейчас эту сраную камеру в задницу затолкаю! — заводится Фугу, изрядно раздражаясь тем, что Ынгуку вовсе не вовлечен в их беседу.

Сам же Ким Дохён, а для друзей просто Дэн, так же как и его дружок Фугу, больше не интересуется разборками в подворотнях и отвоевыванием территорий у местных шаек. Теперь он собирается получить высшее образование, раз заветную мечту — стать музыкантом — осуществить не удалось.

— Вот именно, — отзывается Ынгуку, не отрываясь от просмотра снимков на маленьком дисплее. — Мы вечность не видели нашего Дэна. Поэтому я хочу запомнить этот момент. — Он поворачивает камеру к Дохёну: — Взгляни.

У Ынгука талант — видеть красоту в простых вещах. Хотя друзей иногда бесит это его увлечение, они всегда поражаются умениям Ынгука показать через фотографию то, чего невооруженным глазом никак не увидеть. Дохён смотрит на свой портрет и не верит, что это он так выглядит со стороны. Солнце забавляется с его светлыми волосами, пропуская через пряди свои игристые лучи. От снимка исходит тепло, которого Дэн не ощущает в жизни. Кажется, будто время замерло — не только на фотографии.

Эти трое дружат уже не первый год. Но если Фугу и Дэн знакомы еще со школы, то Гук — друзья так

его называют — присоединился к их компании уже в университете. Чон Ынгук — «прилежный мальчик» из «благополучной семьи». Благополучной его семью друзья считают потому, что родители Ынгука не вычурные богачи, чтобы взращивать из сына наследника корпорации, уничтожая как личность. Но они достаточно обеспечены, чтобы тот ни в чем не нуждался и не связался с «плохой компанией». Но как показывает практика — деньги тут ни при чем. Просто, в отличие от друзей, Ынгуку позволяют заниматься тем, что нравится. А ему нравится смотреть на мир через призму фотокамеры.

— Хочу сделать альбом на память, — мечтательно делится с друзьями Ынгук. — Это последний год, когда мы можем побыть вместе. А дальше... — Он не успевает закончить мысль.

— Это кто? — перебивает его Дохён и, не отрываясь от фото, тычет локтем в бок.

Несколько секунд Ынгук внимательно всматривается в снимок, а потом поднимает взгляд, подмечая, что в глазах друга уже скачут маленькие зеленые басы.

— Ты ведь только вернулся, может, не надо так сразу? — выдыхает Гук, пытаясь забрать фотоаппарат, но Дэн не отдает, желая получить ответ на свой вопрос.

— Я спрашиваю — это кто? — жестко повторяет он, прожигая лицо Ынгука требовательным взглядом.

— Братан, кто там? — Сонги пододвигается ближе. Друг заинтересован чем-то — это сейчас редкость.

За годы дружбы Фугу хорошо его изучил. И такое поведение может говорить лишь об одном: очередная добыча попала в его клетку. Точнее, она еще не в клетке, но точно окажется там. Еще ни одна не устояла. И эта, очевидно, тоже не устоит. Стоит Дэну лишь захотеть — он заполучит любую. А как наиграется, найдет себе новую. Годы идут, а Ким Дохён не меняется.

ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ

На фото явно какая-то девчонка, а в каре-зеленых глазах Дэна — дикое желание заполучить ее.

— Пак Джуын, — выдыхает Ынгук, понимая, что сопротивляться бесполезно. Если захочет, Дохён из-под земли информацию достанет.

— У-у-у, — тянет Сонги, слыша имя девушки, и садится на прежнее место, где трава уже примята в форме его пятой точки. — Тут без шансов, братан.

Если быть точным, скорее всего, из этой ситуации несчастным выйдет только сам сердцеед Ким Дохён, потому что данная персона славится тем, что еще ни одному красавцу ее заполучить не удалось. Но Дэн пока этого не знает. А даже когда узнает, то его это не оставит — ведь так даже интересней. Ему ужасно хочется развлечься и наконец-то забыть о своей провальной мечте стать рок-звездой. Это настолько гложет Дохёна, что, проходя мимо кладовки, где теперь пылится его гитара, он тут же отводит взгляд. Если войдет в этот склеп, то обнаружит собственный скелет. Они с музыкой всегда были единым целым, *пока что* она — его единственная настоящая любовь.

...Любовь, разбившая сердце.

Поэтому, когда Дэн слышит фыркание Сонги, то его интерес разгорается еще больше. Раз никто в него не верит — опять, — то самое время доказать им обратное.

...На этот раз Дохён будет идти до конца.

Он оборачивается, ища взглядом девушку, попавшую в кадр. Победа. Она до сих пор сидит на скамейке с книгой в руках и очень соблазнительно облизывает подушечку пальца, чтобы перевернуть страницу.

— Что вы про нее знаете? — Дэн откровенно пялит-ся на блондинку и ждет ответа.

— Только то, что она тебе не по зубам, — мычит Сонги, залпом допивая газировку, и сдавливая опустевшую жестяную банку между ладонями.

